

Вспоминает Андрей КАСЬЯНЕНКО¹

В 1977 году я, благодаря помощи Норы Николаевны Рубашовой², терциарке Доминиканского ордена, живущей в Москве, познакомился с сестрами из Абрикосовской общины, которые проживали в Вильнюсе.

Ссылки и тюрьмы разметали общину, и вот часть их оказалась в Москве, то есть Нора Николаевна и Вера Львовна Городец, а остальные сестры, благодаря сестре Терезе Кугель, оказались в Вильнюсе. Она первая освободилась из лагеря, устроилась там на работу медсестрой в больницу и получила прописку. Позже она добилась переезда в Вильнюс сестер Антонины Кузнецовой и Филомены Эйсмонт, которые к тому времени были активированы из лагеря по инвалидности и отпущены на свободу доживать, получая крошечную пенсию, причем, они не были даже реабилитированы. И вот Тереза Кугель, обращенная ими еврейка, крещенная во время войны в Ярославле, оказавшись в Вильнюсе, перевела туда сестер — так была основана маленькая община.

К моему появлению там сестры жили уже двумя домами. В одном из домов, на улице Дзуку, жили сестры Антонина Кузнецова, Тереза Кугель и Леокадия, которая не принесла тогда вечных обетов, а позже изменила свою жизнь, уйдя из доминиканской общины.

Вторая квартира находилась на улице Жермуны, где живет и сейчас оставшаяся сестра Магдалина Сеген. Тогда же вместе с ней жила сестра Филомена Эйсмонт. К тому времени общину возглавляла старшая, сестра Антонина Кузнецова. Сестры собирались еженедельно в квартире на улице Дзуку, там происходила служба, общение, совместная трапеза. Сестры старшего возраста были уже на пенсии, а сестра Магдалина работала бухгалтером в лесничестве.

Я приехал в тот день, когда умерла сестра Тереза Кугель, поэтому не имел возможности ее знать, зато увидел тогда всех сестер вместе. В квартире на улице Дзуку, в хрущевской пятиэтажке, было две комнаты и совмещенный санузел. В одной комнатухе, совсем-совсем маленькой, длинной, как кишка, может быть, в 9 кв. м, была часовня: там был установлен комод, служивший алтарем, где находились Святые Дары, письменный стол и диван.

В этой же часовне служил регулярно у сестер отец Владимир Прокопий³, греко-католический священник, украинец, который когда-то учился в Коллегиуме Руссикум в Риме. Приехав на каникулы к себе на родину, во Львов, он оказался в советской оккупации. Как католический священник, он был отправлен в лагерь, разделив судьбу многих, а потом, после освобождения из лагеря, не стал возвращаться на Украину, а поселился в Вильнюсе. Здесь он служил подпольно, хотя власти, в общем, знали, что он священник и что служит то у одних, то у других сестер. Естественно, что властям было известно и о существовании монашеских общин, но в Литве власти как-то закрывали на это глаза, и особых неприятностей никому не делали.

Отец Владимир служил у сестер по восточному обряду⁴. Сестры

¹ Андрей Викторович Касьяненко. Интервью проведено Маргаритой Курганской. Текст интервью расшифрован Ольгой Мироновой.

² Справка на нее и нижеследующих приведена в конце статьи, в "Алфавите упоминаемых лиц".

³ Авторское написание фамилии. — Прим. сост.

⁴ Византийскому обряду, на церковно-славянском языке.

читали Часослов на церковно-славянском языке, причем, читали его довольно своеобразно. Было немного забавно, когда, например, начальный псалом вечерней службы показался им слишком длинным, и они поделили его на две части: одну часть читали в первый вечер, а другую — в следующий. Но тем не менее делали это очень верно.

Мне кажется, что еще важно сказать о том, чем жили сестры, кроме молитвы. Они прекрасно сознавали задачу Доминиканского ордена — как проповедь, но поскольку они были людьми старыми, да, кроме того, оказались в иноязычной среде, то в церкви они не были своими⁵.

Год спустя я устроился на работу в Вильнюсе, и мой контакт с сестрами стал практически повседневным. К тому времени я вступил в общину III ордена, причем, моей формацией занималась сестра Филомена Эйсмонт, и мы с ней обязательно, хотя бы один раз, или, может быть, два раза в неделю встречались. Она рассказывала мне об истории Доминиканского ордена, в частности, об истории Абрикосовской общины русских католиков, главным образом, истории странствий сестер. Сама она в общину вступила, насколько я помню, в 1920 году, ей было тогда двадцать лет, она была студенткой консерватории, по вероисповеданию православной, — хотя наполовину полька, — но человеком, от Церкви довольно далеким.

Через Студенческий Христианский Союз и супругов Доната и Анатолии Новицких сестра Филомена познакомилась с сестрами-доминиканками и позднее, приняв их дух, решила посвятить себя полностью Доминиканскому ордену, уйдя из консерватории. В 1923 году начались первые репрессии против этой общины, были обыски, аресты, позднее арестовали и сестру Филомену. Их скитания начались в Сибири, в Тобольске, из Тобольска их выслали в село Обдорск на Оби, они плыли по Оби, молодые девушки, которым было 18-21 год, может, кому-то 25. Их высаживали по одной на разных пристанях. Они жили там среди местного населения, кажется, им не давали права работать, поэтому выжить было, конечно, очень трудно. Но интересно, что плодом их ссылки стало обращение в католическую веру тех местных жителей, в домах которых сестры жили и с кем общались. И я помню, как в Вильнюс из Омска приезжали уже внуки тех обращенных благодаря сестрам людей, то есть вера была сохранена в третьем поколении.

Сестры занимались переводами книг, в частности, сестра Антонина Кузнецова, которая владела несколькими языками: прекрасно знала французский, английский, по-моему, еще и немецкий, — во всяком случае, с французского и английского переводила постоянно, вытаскивая какую-то книжку. Таким образом, у нее скопилось большое число рукописных переводов различных духовных размышлений, была еще какая-то книга о Фоме Аквинском. Кроме того, она и сестра Филомена Эйсмонт вели очень активную переписку, что, в общем, было также своеобразным вариантом проповеди. Они писали, действительно, очень много писем, в основном переписываясь с теми людьми, которые казались в местах, далеких от Католической Церкви, но оставались верными ей. Сестры приглашали к себе этих людей, и при мне приезжали какие-то католики из Караганды⁶, из Омска, где Католическая Церковь легально не существовала. И эти люди приезжали раз в год на длительное время, чтобы исповедоваться, причаститься и как-то укрепиться духовно.

⁵ Церковь была польско-литовская, а не русская.

⁶ Я помню, оттуда приезжала немецкая семья.

Это были не лучшие годы, хотя, конечно, не годы сталинских репрессий, но годы брежневского маразма, когда постепенно возобновились репрессии против инакомыслящих, против верующих людей. В Литве прошло несколько процессов над священниками: над Томкевичюсом и Сваринскасасом, над католической деятельницей Ядвигой Беляускине. Все процессы закончились тем, что люди получили сроки и были отправлены в Мордовские лагеря.

Сестры стали очень опасаться того, что их жизнь делается небезопасной, как и общение с ними. Поэтому постепенно богослужение, которое проводилось в их доме, стало богослужением латинского обряда. Это были тихие мессы, без проповеди, хотя я и застал еще службу восточного обряда, на которых даже пели. Представьте себе, в хрущевской маленькой квартире, где стены чуть ли не из бумаги сделаны, собирается народ и поет гласовым пением во время Византийской литургии, которая совершалась в большой комнате вокруг круглого стола.

Наверное, интересен был приход некоторых сестер в Доминиканский орден. Например, сестры Магдалины Сеген⁷, которая во время войны попала в немецкую оккупацию, потом оказалась на работе в Германии и там как-то глубоко осознала свое призвание. Вернувшись после войны в Ростов-на-Дону, где уже не было католической церкви, поняла, что она не мыслит себя иначе, чем монахиней, поэтому просто, никого не зная, приехала в Вильнюс и каким-то образом встретила там сестер странной, совершенно незнакомой ей и непонятной ветви Доминиканского ордена, ветви восточного обряда. Это были русские сестры, почему-то в Литве, где русских, в общем, не так много, и казалось, никому это особенно не нужно. И вот каким-то чудесным образом она связала с ними свою жизнь, приняла восточный, византийский, так до конца и непонятый ею, по-моему, обряд. Но это был тот образ верности и послушания голосу, который она когда-то, в 16 лет, услышала в Германии, в лагере принудительных работ. Практически до самого конца она была с ними, единственная из сестер, которая жива на сегодняшний день.

Важно отметить, что сестра Магдалина сильно отличалась по возрасту от сестер, была моложе, может быть, лет на 30, во всяком случае, сестры ей годились в матери. И я думаю, что ей было очень непросто с этими людьми старшего поколения, другой культуры, ведь сестры все-таки были интеллектуалками, а Магдалина была человеком простым. Но тем не менее они как-то очень гармонично жили друг с другом, хотя, наверно, были какие-то трения, но в этом каждый очищался и шел к Богу.

Очень важным моментом в жизни этой общины было возобновление связи с Доминиканским орденом как таковым, потому что каким-то образом им удалось в 1969-1970 годах. наладить контакт с семьей Доната и Анатолии Новицких, которые в 30-е годы были на кого-то обменены и оказались в Польше⁸. Отец Донат Новицкий, католический священник восточного обряда, с женой жил где-то недалеко от Зеленки, под Варшавой, жили они в латинской стране, совершенно никем не понимаемые.

Сестры возобновили с ними переписку и через них оказались в Польше. Поехала туда сестра Филомена, причем, очень удачно, так как в

⁷ Мирское имя Ромуальда Сеген – Прим. сост.

⁸ Отец Донат Гильярдович и сестра Иосафата (Анатолия Ивановна) Новицкие уехали по обмену в Польшу осенью 1932 года. – Прим. сост.

то время в Польше пребывал генерал Доминиканского ордена, кажется, Фернадос. Он, узнав о том, что в Советской России на протяжении всех этих тяжелых лет сохраняла верность ордену небольшая группа женщин-монахинь, решил, что нужно обязательно для них что-то сделать. Поэтому он обратился к отцам польской провинции с тем, чтобы они каким-то образом помогли этим сестрам.

Добровольцами вызвались три человека: это был ныне покойный Влодзимеж Кухарек, отец Александр Хауке-Лиговский, ректор колледжа Св. Фомы Аквинского в Киеве⁹, и особенно, отец Зигмунт Козар, который поныне живет в Фастове. Вот эти трое очень непохожих друг на друга священников вызвались быть как бы связными между Доминиканским орденом и сестрами, и каждый из них осуществлял эту помощь так, как был призван.

Отец Влодзимеж, которого называли херувимским отцом, человек созерцательного образа жизни, приезжал в Вильнюс и устраивал сестрам духовные упражнения, он часто просто был с сестрами, и его пребывание с ними было необыкновенно важным для них. Отец Александр Хауке, интеллигент, аристократ, приезжал к ним для того, чтобы устанавливать и поддерживать связь с интеллигенцией, особенно связь с московскими католиками¹⁰.

Отец Зигмунт Козар, которого можно было бы назвать серафическим отцом, имеющим шесть крыльев и машущим всеми ими, привозил нелегально литературу, обманывая советских таможенников. Он нелегально путешествовал по всей стране, крестил людей, привозя затем свидетельства о крещении, совершал таинство брака над теми, кому это было необходимо, и кто не имел возможности этого сделать. Получив вызов из Вильнюса, он ехал в Ростов-на-Дону, хотя в то время вообще невозможно было выехать на 20 км от того места, куда тебя пригласили, без разрешения местных властей. Связь с этими отцами как бы реанимировала жизнь сестер, они стали получать тогда литературу из Польши, но на польском языке, которого практически никто из них, кроме сестры Магдалины, не знал. Каждая из них выучила польский язык, и они читали привезенные книги и переводили их на русский язык.

Следует сказать немного о характере сестер. Сестры Антонина Кузнецова и Филомена Эйсмонт были очень непохожи друг на друга. Каждая из них пришла в Доминиканский орден своим путем. Валентина Васильевна Кузнецова была из протестантской семьи, ее родители были евангелистами, сама она была, кажется, сержантом Армии Спасения. Как-то удивительно она попала к сестрам Абрикосовской общины, поскольку была медсестрой, подрабатывала, будучи студенткой, пришла кому-то из них делать укол. Там у них началась богословская дискуссия между протестанткой и сестрами-католичками, в которой победили сестры. И она осталась с ними.

Сестра Антонина была человеком необыкновенно спокойным, как бы источающим мир человеком. Иногда я приходил к ней, когда мне не хватало внутреннего мира, не хватало именно внутреннего спокойствия. Мне, в общем, достаточно было с ней немножко поговорить или ее послушать, или просто посидеть рядом с ней. Ничего необыкновенного она не говорила, то есть все было вокруг истины, что *«у кошки четыре ноги»*,

⁹ Работавший некоторое время в бывшем Советском Союзе.

¹⁰ Благодаря отцу Александру Хауке-Лигоскому стал терциарием Юлий Анатольевич Шрейдер.

и слава Господу за это, но каждый раз это было что-то потрясающее, и эта фраза — «*Слава Господу*» — была совершенно искренней. Когда я в 1989 году, в один из последних приездов, навестил сестер в Вильнюсе, сестра Антонина Кузнецова была еще жива, но постоянно лежала в кровати и, в общем, уже все время находилась в каком-то полусумеречном состоянии. Была служба, она приняла причастие, и видно было, что она все-таки делает это осознанно, погрузившись потом опять в это сумеречное состояние. Скончалась она 9 октября 1989 года.

О сестре Филомене я уже говорил, о студентке консерватории, практически неверующем и не интересующимся этим человеке, но тоже чудесным образом пришедшей к Богу. И теперь это была сестра «*с огнем в глазах*», как говорил Фроссар¹¹, когда писал о доминиканских завтраках. Когда доминиканцы начинают говорить о богословии, то в их глазах появляются отблески костров инквизиции. Отблески эти постоянно появлялись в нежно-голубых глазах Софьи Владиславовны Эйсмонт. Это было также вокруг истины, что «*у кошки четыре ноги*», но это было так пламенно, как, наверно, у Савонаролы. Сестра Филомена Эйсмонт прожила еще несколько лет и скончалась в 1993 году, так что из всей этой ветви общины осталась только сестра Магдалина.

Их активные годы, когда человеку хочется, может быть, сделать карьеру, главенствовать или доминировать над кем-то, пришлось на ссылки и лагеря, и это были годы очищающих страданий, правильно сестрами принимаемых, во всяком случае, в тех обстоятельствах, в которых они находились. И хотя не всегда страдание очищает, но в данном случае их страдания очищали от страстей, от каких-то мелких вещей, и на первый план выходило главное — их вера и верность.

Они были людьми, которые ни за что, ни при каких обстоятельствах не отказывались от того пути, на который встали однажды, от тех обетов, которые принесли, от того Духа, который их за собой повлек, — Духа проповедования Евангелия. У них всегда на первом месте была Божия любовь, и я думаю, что те самые годы, когда из человека обычно вылезает всякая мелочность, страсти, да просто гадость, у сестер пришлось на годы страданий, когда все это как-то перемалывалось и уходило с дымом куда-то в трубу. Потом они уже стали старушками. И вот то, что человек за жизнь скопил, с тем он к старости и остался. Замечательно, что сестры остались с тем багажом, который у них был, то есть у кого-то из них это был мир, у кого-то — жажда правды, как у сестры Филомены. Интересно, что я с сестрой Филоменой иногда спорил, и эти споры были очень жаркими. Мне казалось потом, что на следующий день мы здороваться друг с другом не будем. Но она всегда первая делала шаг ко мне, шаг примирения, и становилось ясно, что на самом деле все это не так важно, наши разногласия, амбиции, которые вступали тогда в игру.

Контакты сестер с соседями были интересны. Например, в соседней квартире на улице Дзуку жила семья, в которой мать обратилась в баптистскую веру, а муж не стал баптистом. Когда же мать стала обращать в свою веру дочерей, то муж приходил к сестрам, как к экспертам по вере, хорошо ли делает его жена: он однажды вошел на кухню и увидел, что она стоит на коленях и делает что-то совсем непонятное. Муж был очень этим обеспокоен, и сестры объяснили ему, что формы веры могут быть разные, важно только одно, Евангелие это или нет.

¹¹ Андре Фроссар – французский журналист, писатель, философ, член Академии Наук Франции.

Часто к сестрам приходили девочки, по-моему, они были, в общем-то, умственно недоразвитые, но тем не менее приходили для того, чтобы услышать слово Евангелия, так как их мама была не очень просвещенным человеком, и от нее ничего нового и интересного нельзя было услышать. Ну и сидели, разинув рот, слушали то, что сестры им говорили. Это был самый обыкновенный Катехизис, но подавался он как раз в не сухой, очень понятной и жизненной форме.

В свое время я привел в их дом Витаса Алишаускаса¹², потом через него в дом попал Альгис Саударгас, нынешний министр иностранных дел Литвы, который с очень большим почтением, пиететом даже, относился к сестрам и благоговел перед ними. Будучи очень образованным человеком, он сидел и слушал их истории, буквально разинув рот¹³. Альгис спрашивал меня, нельзя ли ему тоже стать терциарием, но обстоятельства этому не благоприятствовали¹⁴. Но я помню, когда в 1990-1991 годах я с ним разговаривал по телефону, он как-то очень тепло спрашивал о сестрах, интересовался ими, сохранив воспоминания о них в сердце своем.

Интересно, что мы обычно представляем себе монастырь как стены, григорианские хоралы, готику и все такое прочее. На самом деле, эта вот хрущевка, кирпичный дом с маленькими окнами, с малюсеньким балконом, бумажными стенами, с какой-то совершенно убогой обстановкой — фанерный шкаф, который называли шифоньер, крашенный коричневой краской для пола. Иногда я смотрел на это и думал, почему сестры так поступили, сами покрасив шкаф этой краской, то ли это своеобразная эстетика, то ли это аскетизм. В конце концов я понял, что им было важнее, чтобы на этом шкафу не было трещин, чтобы он не облуплялся, а как это выглядит, для них совершенно вторично, то есть для людей, прошедших с верой горнило ГУЛАГа, вся эта внешняя форма была совершенно не важна.

Позднее я нашел подтверждение своим мыслям в беседе с московской сестрой Екатериной Рубашовой, которая говорила об обрядах. Как-то у нас зашел разговор о богословии, я очень любил их, и именно с ней, потому что она была необыкновенно глубоким человеком с богословским складом ума. Она не просто воздавала Господу славу и пела Аллилуйю, а как-то прекрасно все распределяла и могла так объяснить, что все укладывалось в стройную систему. Не помню, о чем тогда шла речь, может быть, о Священном Писании, потому что тогда подпольно привозили из Брюсселя книги отца Александра Меня, книги очень важные на том этапе¹⁵, которые активно обсуждались, а, может быть, речь шла о более ученой книге по Священному Писанию.

А меня тогда очень интересовали всякие литургические изыски: восточный обряд, западный, армянский, обряды древних церквей. Мне казалось это важным, потому что это все-таки какое-то знаковое богословие, литургисты говорят, что литургия — это первичное *богословие*. С ними нельзя не согласиться, потому что человек словом,

¹² Он сейчас работает в издательстве одного из толстых журналов в Литве.

¹³ Помню, как потом он подошел ко мне и сказал, что в России дворяне мечтали отдать своих детей в гусары служить, а у нас, в Речи Посполитой, и в Литве отдавали в монастыри.

¹⁴ Тогда, в 1985 году, были совсем марзматические времена, когда самого Альгиса таскали в КГБ. Потом были годы борьбы за независимость Литвы, а в 1990 году Альгис стал министром.

¹⁵ Книги Александра Меня были как раз для нас, недоучек, кто Священного Писания с детства не знал, в них оно доходчиво популяризировалось.

знаком, жестом, мелодией устанавливал связь с Богом. На это сестра Екатерина мне сказала: *«Знаешь, литургия — это хорошо, я люблю всякие литургии — и латинскую, и восточную люблю, но литургия — это как наряды, то есть можно одеть одно платье, можно — другое. Но самое важное, что у тебя там внутри»*. Так вот, у сестер оно также было.

Могло показаться со стороны, что это были немощные люди, иногда говорящие, может быть, не очень умные слова, иногда совершающие не те поступки, лучше было бы на их месте иначе поступить. Но самое главное, что вот в них был этот стержень, эта вот вертикаль, а остальное было уже неважным. И я думаю, что их место в истории как раз и состояло в том, что они были этим стержнем, были каким-то крюком, за который зацепились, ну и потом все получило какой-то новый импульс, стало развиваться дальше. Теперь этой ветви нет, можно об этом сожалеть, можно не сожалеть.

Я помню, как отец Марк Смирнов на мою реплику по поводу того, что ветвь угасает, и как жалко, что нет новых призваний, сказал: *«А знаешь, сколько новых ветвей возникает и сколько старых ветвей угасает. И это совершенно неважно»*. Тогда мне казалось, что это очень жалко, что ветвь угаснет без новых призваний. А теперь я думаю, что, наверное, все-таки неважно, а важно, что это было, и Господь как-то усмотрел, что это нужно было на этапе отрезка жизни этих вот людей.

* * *

Первой доминиканкой, с которой я познакомился, была Нора Николаевна Рубашова. Я всего ожидал, но не того, что увидел. Меня привезли в Москве на проспект Вернадского, мы поднялись на III или IV этаж, где она жила. Позвонили в квартиру. Дверь открыла маленькая седая старушка, такая круглая, и повела нас в комнату в коммунальной квартире. Это, оказывается, была Нора Николаевна, доминиканка, *«последняя из могикан»*, как мне сказали. Я ожидал чего угодно, только не такого, так как у меня были свои представления о интеллектуалах, о доминиканцах, о монахинях.

Надо сказать, что говорить мы стали очень просто, формальные и внешние вещи сразу отошли. Я был тогда еще достаточно молодым человеком, закончил институт и, что называется, был "прихипован": длинные волосы, какие-то джинсы. Но помню, как спустя, может быть, полгода или больше после нашего знакомства, Нора Николаевна сказала мне следующее: *«Ты знаешь, если бы мы были с тобой немножко ближе знакомы, я бы тебе кое-что сказала»*. На что я ответил: *«А может, мы уже достаточно близко знакомы, чтобы Вы могли это сказать»*. Она тогда сказала: *«Знаешь, не мог бы ты подстричься, потому что эти волосы — это так странно»*.

Я приехал тогда к ней как раз по поводу Страстной седмицы и Пасхи, утром пошел в церковь на службу и весь день околачивался по Москве: были какие-то дела, но и просто ходил по городу. И все время меня грызла мысль: остричь длинные волосы — значит поступиться принципами, не остричь — все-таки мне хотелось бы, чтобы этот человек воспринимал меня как взрослого человека. И я, как в прорубь нырнул, заскочил в парикмахерскую и сказал: *«Обстригите меня и покороче»*. Все это было

сделано. Когда я вернулся, она не выразила никакого удивления, будто ничего не произошло

Мне всегда с ней было легко, потому что, мне кажется, Нора Николаевна была очень терпимым человеком, это было одно из ее каких-то очень важных и главных качеств. Помню, что в первую же нашу встречу она спросила меня, что я, вообще, читаю. Выслушав ответ, сказала: «*Ты знаешь, тебе стоило бы, наверное, почитать катехизис*». В то время я в церкви уже был пять лет, и мне казалось, что катехизис мне особенно не нужен. Но дело в том, что те катехизисы, которые у нас были, содержали краткие вопросы и простые ответы типа: — Зачем Бог создал человека? — Для того, чтобы радоваться, для того, чтобы его любить, и так далее.

Я, в общем, никогда серьезно об этом не думал, но она дала мне другой катехизис, на польском языке, которым я, слава Господу, владел. Когда я прочел его, то понял, что книжка действительно необыкновенно важная, что вера наша должна начинаться с Евангелия и с Катехизиса, с истин веры, и если этого нет, то все остальное, в общем, мишура, никому не нужна и не спасает. Со мной Нора Николаевна начала с азов, то есть мы не говорили о богословии Фомы Аквинского, о философии, а вначале какие-то такие первичные вещи мы с ней поставили на место, а потом уже было все остальное. И для меня вера Норы Николаевны была откровением.

К Норе Николаевне приходили совершенно удивительные, на мой взгляд, люди. Помню одну Пасху, когда пришло много народа, думаю, может быть, человек пятнадцать, среди них были потомки терциариев, какие-то люди из церкви, с которыми Нора Николаевна была знакома с юности своей. Там была и Наталия Фаддеевна Протопопова, может быть, кто-то из ее дочерей. Квартира Норы Николаевны была каким-то своеобразным центром, где люди общались, получали даже какие-то ее напутствия и наставления. Причем, она никогда не давала их в категоричной форме, а только направляла, и человек сам приходил к выводу и решал сам, что ему в итоге надо делать. Это было необыкновенно ценно в ней.

Именно там я встретился с Ю. А. Шрейдером¹⁶, о котором слышал много и буквально с первого дня знакомства, и с отцом Александром Х-Л. Они были для меня люди-легенды, и позже, когда Ю.А. Шрейдер переступил порог этой комнаты, я вдруг увидел совсем обыкновенного человека, в котором необыкновенно ценно было то, что при всей своей образованности, положении, жизненном опыте и возрасте, он со мной общался на равных; от этого было легко и хорошо. Каждый, кто с ним таким образом общался, очень много получал, общение с ним давало какой-то внутренний рост, побуждало к тому, чтобы узнавать больше.

Там бывали и другие интересные люди, например, С. С. Аверинцев¹⁷, который с очень большим почтением относился к Норе Николаевне, или Г. М. Файбусович¹⁸, о котором я слышал много интересного. Нора Николаевна необыкновенно нежно к нему относилась, несмотря на то, что тот был человеком не только не церковным, но и неверующим. Она как-то

¹⁶ Шрейдер Юлий Анатольевич — советский и российский математик, кибернетик и философ.

¹⁷ Аверинцев Сергей Сергеевич — советский и российский филолог, культуролог, историк культуры (в том числе христианской), философ, литературовед, критик, переводчик.

¹⁸ Файбусович Геннадий Моисеевич — прозаик, эссеист (литер. псевдоним — Борис Хазанов).

дала мне прочесть переписку между Ю. А. Шрейдером и Г. М. Файбусовичем, где речь шла о главном — о вере, о философии веры. Слышал я также, но никогда не встречал там Арсения Тарковского, который с почтением относился к Норе Николаевне и к Доминиканскому ордену¹⁹. Такой это был открытый дом.

Иногда людей туда заносило случайно. Отец Зигмунт Козар как-то однажды приехал в Москву, в каком-то садике сидел на скамейке, рядом увидел молодого человека, который что-то переписывал из какой-то книги. Он посмотрел через его плечо и увидел, что тот переписывал Евангелие. Отец Зигмунт на плохом русском языке обратился к нему и спросил: «Тебе нужно *Евангелие*?» Тот ответил утвердительно. И таким образом молодой человек попал к Норе Николаевне.

Иван Владимирович Лупандин тоже каким-то удивительным образом попал в этот дом. Ваня, новообращенный православный, поехал к старцу Тавриону в Елгавскую Пустынь в Латвии и там встретил Марка Элькинда, питерского прихожанина католической церкви. Старец принимал по несколько человек, и Ване случилось одновременно с Марком войти в келью старца. Тот сказал Ване, что куда тебя этот человек поведет, туда и иди. Что это было — непонятно: то ли это было какое-то провидение, то ли наоборот. Марк взял Ваню с собой в Питер и познакомил его с католиками, с доминиканцами. Позднее в Москве Ваня познакомился с Норой Николаевной и, можно сказать, до ее кончины был самым близким ей человеком. Он нежно ее любил, и она отвечала ему тем же, относясь к нему, как любимому ребенку, и всячески участвовала в его жизни.

---

¹⁹ Говорят, что в Польше он бывал в доминиканских монастырях.

Алфавит упоминаемых лиц

ГОРОДЕЦ Вера (Стефания) Львовна, родилась в 1893 в Киеве. Получила высшее образование. Проживала в Москве, давала частные уроки. Перешла в католичество, позднее пострижена в монахини с именем Стефания. 10 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в деревню под Тобольском. 9 мая 1927 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселилась в Ромнах Полтавской, с 1928 — в Костроме, в 1930 — в Одессе, в 1932 — в Краснодаре, в 1933 — в Ставрополе. В 1932 — арестована по групповому делу; позднее освобождена «за отсутствием доказательств». Вернулась в Ставрополь, с 1934 — в Тамбове. В январе 1935 — арестована по групповому делу. 16-19 ноября 1935 — на судебном процессе оправдана и освобождена. Проживала в Малоярославце, во время войны — в оккупации, в сентябре 1942 — после освобождения города арестована, приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в с. Ново-Шульбу Семипалатинской. В сентябре 1947 — освобождена, вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг. В 1954 — переведена в инвалидный дом в Ухте. В 1956 — освобождена, выехала в Москву, вела домашнее хозяйство. 25 мая 1974 — скончалась в Москве.

КУГЕЛЬ Минна (Тереза) Рахмиэловна, родилась в 1912 в Московской губ. В 1929 — окончила школу в Ярославле, вернулась в Кострому. Позднее познакомилась с сестрами-доминиканками, в 1931 — приняла католичество, в 1932 — выехала в Краснодар, пострижена в монахини с именем Тереза. 6 октября 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг. 16 ноября 1935 — освобождена из лагеря, поселилась в Брянске, с октября 1937 — в Малоярославце, во время войны — в оккупации. 21 августа 1942 — арестована. 31 октября приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Темлаг. 25 марта 1947 — освобождена из лагеря, вернулась в Малоярославец, с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована за шпионаж в пользу Ватикана. 17 сентября 1949 — направлена на принудительное лечение в Казанскую спецбольницу. 15 октября 1952 — переведена в обычную психбольницу. С 1953 — после освобождения проживала в Вильнюсе, работала дворником на рынке, затем медсестрой в больнице. 2 декабря 1977 — скончалась в Вильнюсе.

КУЗНЕЦОВА Валентина (Антонина) Васильевна, родилась в 1897 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию. Проживала в Москве. Перешла в католичество; позднее пострижена в монахини с именем Антонина. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Инкино Нарымского. 9 мая 1927 — освобождена из ссылки с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Костроме, с 1930 — в Одессе, затем в Краснодаре, позднее в Ставрополе, с 1934 — в Тамбове. 1 февраля 1935 — арестована по групповому делу. 16-19 ноября 1935 — на судебном процессе оправдана и освобождена. Проживала в Малоярославце. В 1941 — арестована, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1945 — освобождена и вернулась в Малоярославец; с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована по групповому делу за шпионаж в пользу Ватикана. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Ангарлаг. 14 июня 1956 — освобождена из лагеря досрочно, поселилась у сестры в пос. Лесной Калининградской, с 1958 — в Вильнюсе в квартире сестер-доминиканок. 9 октября 1989 — скончалась в Вильнюсе.

НОВИЦКАЯ (урожд. Боуффал) Анатолия (Иосафата) Ивановна, родилась в 1891 в Белоруссии. Окончила школу в Смоленске, получила высшее образование в Санкт-Петербурге. Проживала в Петрограде, служащая конторы; вышла замуж за Доната Новицкого. В 1922 — в Москве приняла католичество и вступила в Абрикосовскую общину. В 1924 — арестована по групповому делу, через полтора месяца освобождена. В 1926 — пострижена в монахини с именем Иосафата, помогала осужденным священникам и мирянам. Посетила мужа в Соловецком лагере, о своих впечатлениях подробно рассказала епископу Пию Неве. 15 февраля 1931 — арестована по групповому делу. 18 августа 1931 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Ярославский политизолятор; позднее — в Котласском лагере. В 1932 — освобождена досрочно. 15 сентября 1932 — выехала по обмену в Польшу. 15 апреля 1975 — скончалась там.

НОВИЦКИЙ Донат Гильярдович, родился в 1893 в Москве. Учился в Петрозаводском и Санкт-Петербургском университетах, с 1916 — учился в духовной семинарии в Петрограде. Покинул духовную семинарию и перешел к баптистам. Женится на польке Анатолии Боуффал. С 1916 по 1917 — служил офицером в царской армии, до 1921 — оставался на военной службе. После демобилизации служил в Москве. В 1922 — вошел в Абрикосовскую общину. 16 ноября 1923 — арестован по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюрьмы и 13 июня отправлен в Орловскую тюрьму; в сентябре 1925 — вывезен в Соловецкий лагерь особого назначения. 5 сентября 1928 — тайно рукоположен в священники восточного обряда. В 1929 — переведен на остров Анзер, 5 июля 1932 — арестован по групповому делу. 9 июля 1932 — следствие ходатайствовало о необходимости его «содержания под стражей». 22 июля 1932 — вывезен в Ленинградскую тюрьму как один из «вожаков, которые слишком смело и дерзко руководили группой ксендзов». 23 августа приговорен к заключению в Ярославский политизолятор. 15 сентября 1932 — из тюрьмы освобожден и выехал по обмену в Польшу. С 1932 — служил в греко-католическом приходе в Торокане под Дрогочиным, в 1939 — переехал в Зеленку под Варшавой, служил капелланом женской монашеской общины; принимал участие в антифашистской деятельности. С 1948 — проживал в Свидере, затем в с. Новая Весь, позднее в с. Изабелин под Варшавой; активный участник экуменистического движения. Позднее преподавал русскую культуру в духовной семинарии паллотинцев в Олтажеве под Варшавой, был также референтом-экспертом по вопросам Восточных Церквей, России и экуменизма при примасе Польши. 17 августа 1971 — скончался в с. Изабелин под Варшавой.

РУБАШОВА Нора (Екатерина Сиенская) Николаевна, родилась в 1909 в Москве. В 1920-х — студентка МГУ. В апреле 1926 — приняла католичество, позднее пострижена в монахини с именем Екатерина Сиенская, участвовала в тайных богослужениях на квартирах. 15 февраля 1931 — арестована по групповому делу. 18 августа 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1936 — освобождена и выслана в Мичуринск, работала в ботаническом саду. Летом 1939 — освобождена и выехала в Малоярославец, вошла в общину сестер-доминиканок. В мае 1944 — выехала в с. Ново-Шульбу Семипалатинской для помощи сестре общины, работала в школе. С 1947 — вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в Карлаге. В мае 1956 — освобождена, вернулась в Москву, работала в Исторической библиотеке, позднее на пенсии. 12 мая 1987 — скончалась.

СВАРИНСКАС Альфонсас, родился в 1925. Окончил четыре курса духовной семинарии в Каунасе. В декабре 1946 — арестован за связь «с антисоветским подпольем». 26 марта 1948 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь в пос. Абезь (Коми). 3 октября 1954 — тайно рукоположен в священника. 20 марта 1956 — освобожден из лагеря, вернулся в Литву. В 1958 — вновь арестован, 26 июля приговорен к 6 годам ИТЛ и отправлен в лагерь в Мордовии. 9 апреля 1964 — освобожден из лагеря, вернулся в Литву, служил настоятелем прихода в пос. Видукле; член Католического комитета защиты прав верующих. 17 июля 2014 — скончался.

ЭЙСМОНТ Софья (Филомена) Владиславовна, родилась в 1900 в Вильно. Проживала в Москве. Окончила гимназию, поступила в консерваторию. Летом 1923 — перешла в восточный обряд и вступила в общину монахинь-доминиканок. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Обдорск Нарымского, работала машинисткой в конторе. 9 мая 1927 — освобождена с запретом проживания на 3 года (-6). Проживала в Краснодаре, давала частные уроки музыки. 22 июля 1929 — пострижена в монахини с именем Филомена. Осенью 1930 — выехала в Одессу, затем — в Смоленск, с 1931 — в Москве, работала машинисткой в банке, с марта 1933 — в Рязани. 15 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг, со 2 февраля 1935 — в Ухтпечлаге, с 1938 — в Воркутлаге. 23 июня 1942 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Куйбышевской области, с 1943 — в Уральске, с марта 1947 — в Малоярославце, с апреля 1947 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг; позднее — в Ангарлаг. 3 ноября 1954 — освобождена досрочно и выслана в Казахстан. 26 мая 1956 — освобождена досрочно, выехала в мест. Майшогиала под Вильнюсом к сестрам-доминиканкам, позднее — в Вильнюсе. 25 февраля 1993 — скончалась в Вильнюсе.